

М.В. Клёцкин

СУЩНОСТНЫЕ ОСНОВАНИЯ ИСТИННОСТИ В ЛОГИКЕ АРИСТОТЕЛЯ

Самарский государственный университет
Email: samkoms@mail.ru

Предмет исследования – найти разрешение проблемы онтологических оснований логики в учении Аристотеля. Проанализирована взаимосвязь понятий «зачинание» (ὑπαρξίς), сущее, истина, ценностное отношение и предложена прагматологическая модель их объединения. Обосновывается утверждение о том, что логические категории – это доступные индивиду способы понимать сущее, говорить о вещах, выражая их смысл, способы существования для индивида. Доказательство из достоверно истинных посылок в итоге показывает истинное состояние сущего и позволяет совершать поступки, изменяющие само сущее и бытие. На основании проведённого анализа утверждается, что высказывание образует структуру различаемого бытия, делая его определённым и пригодным для использования.

Ключевые слова: истина, ценностное отношение, Аристотель, суждение, сущее, определение.

Мысль о том, что истинное мышление – это мышление сущего, проводилась, как мы показали в других статьях [5-7], уже в самых первых философских концепциях. Поэтому известный философ Черняков с полным правом утверждает, что «логика – всегда уже онтология, сторона онтологии» [10, с. 93]. Онтология – логос (понимание) сущего (ὄν). В данной статье мы попытаемся найти разрешение проблемы онтологических оснований логики в учении основателя этой науки – Аристотеля. Сначала мы определимся со смыслом специфической терминологии аристотелевской логики. Её доскональный разбор содержится в работах двух выдающихся современных отечественных аристотелеведов: А.Г. Чернякова [10] и Е.В. Орлова [9]. Заметим предварительно, что Аристотель не создавал формальный метаязык логики (как логические позитивисты), ему важно было показать то, как достигается истина бытия сущего в обыденной речи. Мы уже подробно рассматривали вопрос различения бытия и сущего [4] [8], поэтому в статье остановимся только на проблеме методов рационализации истины.

Ключевой для понимания онто-логической системы Аристотеля является его теория утверждающего высказывания (ἀποφαντικῆς). «Простое высказывание есть звукосочетание, обозначающее зачинание [присущность] или незачинание [неприсущность] чего-то с различием

во времени» [2, с. 96]. Необходимо пояснить, что обозначает термин «зачинание» (ὑπαρξίς). В российских переводах сочинений Аристотеля смысл глагола ὑπαρξίς передавался словом «присущность». Буквальный же перевод данного слова – «подчинение», однако он также не передаёт смысл греческого глагола, так как в русском языке подчинение предполагает навязывание чего-то так сказать сверху вниз. У греков же ὑπάρχω обозначает подчиняющее действие чего-то лежащего в основании, чего-то подлежащего (сущности, сущего), поэтому мы будем переводить ὑπαρξίς как «зачинание» (приведение в действие). Например, высказывание «человеку присуще мышление» значит, что сущность, именуемая нами «человеком», зачинает в нашем бытии такое свойство как мышление. Возможна и такая интерпретация данного высказывания: «цельная сущность человека порождает в бытии свойство мышления». В этой интерпретации сущее связывается с его бытийным существованием; связываются не просто сущность-понятие и существование, а сущее-само-по-себе и бытие. В этой связи интересны изыскания Чарльза Кана (Kahn), показавшего происхождение термина «экзистенция» из глагола ὑπάρχω, который в античности постепенно приобрёл значение «существования». «Для того чтобы передать значение ὑπαρξίς на латинском языке, Марию Викторину (IV в.) потребовалось ввести

новое понятие – *existentia*» [3, с. 66]. Экзистенция, исходя из данной этимологии, есть переход сущего-самого-по-себе в наличное существование. Именно сущее-само-по-себе экзистировать (зачинает), находясь в основании всех движений бытия. В новоевропейской же традиции «initium» («ἰνίτιον») самой сущей вещи (зачинающей в бытии свойство вещи), приписали некоему потустороннему «субъекту», превратив её в *интенцию* – стремление к познанию потустороннего объекта.

«Что в звуках [φωνή] – это символы переживаемого (страдаемого) в душе, а письма – того, что в звуках... Знаки звуков то же, что переживания души, и то же самое – именованные вещи» [2, с. 93]. Сущая-сама-по-себе вещь, суть бытия, символы сути бытия (сущности-понятия) – одно и то же для познания. Сущность-понятие – это наличное истинное бытие сути бытия и, соответственно, сущего. Имя же *означает* существующее в душе переживание. Через род и его различие показывают то, *что* лежит в основе наличной сущности – суть бытия вещи. Определение задаёт границы сущего в бытии существования вещи, а интерпретация сущности, выражаемая в категорическом суждении задаёт значение вещи, её «для-того-чтобы», формируя такую сущность как определённое понятие (εἶδος). Аристотель всегда связывает «расчетливость» (логичность) с расчетом способов и средств достижения цели [9, с. 61].

Исходную форму различения, проводимого сознательным мышлением, Аристотель понимал так: «все относительно всего либо то же, либо противоречит ему» [14]. Этот исходный принцип познания нашёл своё выражение в «законе исключённого третьего». В процессе познания состояний бытия сущие объекты различаются как тождественные, как противоположные или как противоречивые. Противоречит чему-то сущему не-сущее, другое сущее ему противоположно. «Поэтому оно («другое») (в отличие от «нетождественного») не называется о не-сущем, а называется обо всем сущем: ведь всякое сущее и единое есть от природы либо «одно» либо не «одно»» [1, с. 258]. Бытию как чему-то истинному противоречит не-бытие (соответственно не-сущее) как отрицание истины (ложь): «бытие же как истина и не-бытие как ложь» [14]. Некоторое предположение о неявно, но необходимо сущем получается через подведение (ἐλθῶμεν) чувственного опыта к знанию общего (на латинском языке калька «ἐλθῶμεν» – «inductio»), когда знание качеств наличного бытия сходных в том или ином отношении сущностей, позволяет использовать это знание в качестве общей в отношении этих сущностей посылки умозаключения. Истинность (опора на знание бытия) подведения

к знанию общего обеспечивает истинность научного познания (ἐπιστήμη).

Знак тоже есть знак бытия сущего – «то, в связи с сущим [οὐτόν] чего вещь есть или в связи с возникновением чего она раньше или позже стала быть» [14]. Чувственно воспринимаемое, постигаемое нахождением в чувственном наличии, сначала неопределенно – «не показывает, *что* есть, а что или *есть*, или нет» [14]. Так познаваемая единичная сущность именуется и интерпретируется, то есть приобретает в процессе познания определённое значение, раскрывающее ценностный по своей природе смысл его бытия для индивида. Имя-знак, приобретшее определённое значение, может стать термином силлогизма и использоваться в рассуждениях.

О сущностях сказываются так называемые логические десигнаторы (качества, виды и роды). Существует три способа сказывания о сущности: или определением (ὄρος), или свойством (ἴδιον), или сопутствующим качеством (συμβεβηκός). Различая бытие и проводя границы, мы создаём определённую онтологическую систему. В результате вырисовывается некоторая картина действительности – бытие сущего получает очертания. Суть бытия вещи выражается в определении бытийных границ (ὄρος) этой вещи. «Ὅρισμός δὲ γίνεταί ἐκ τοῦ σημαίνειν τι ἀναγκαῖον εἶναι αὐτοῦς» (определение же рождается из обозначения чего-то, имеющего само по себе необходимое бытие) [14]. В отличие от свойств и сопутствующих качеств, определение демонстрирует сущую основу подлежащего, то есть является определением сути бытия, зачинающей наличную сущность. *Различение* сути бытия происходит у Аристотеля по родам, а внутри рода по видам. Определение используется вместо имени сущности, но не для фиксации её наличности, а для определения её бытия как бытия сущего-самого-по-себе – определения границ её бытийного существования. «Определяющее есть логос, означающий «суть бытия»; оно дает или логос вместо имени, или логос вместо логоса, ибо возможно определение и того, что обозначается логосом» [13]. Имя-знак указывает на сущность, но не является её определением. Определение же выражает истину бытия сущей-самой-по-себе вещи. «Род есть категориально высказываемое о том, что есть на основании более многочисленных и различающихся по виду ... то, что подходит для ответа на вопрос, «что есть» предлежащее; как [например] о человеке, когда спрашивают, «что есть?», подходит сказать, что он – животное» [13]. Формально в определении род и вид сказываются о конкретной сущности («что есть») как о подлежащем суждения, по сути же они сказываются о сути бытия сущности, о сущности как бытийно сущем.

Итак, свойство (*ἴδιον*) и сопутствующее качество (*συμβεβηκός*) занимают в суждении место сказуемого (предиката). Для примера возьмём суждение «этот стол жёлтый». «Жёлтый» в данном случае – антивысказывающееся свойство (в общем суждении «стол жёлтый» качество «жёлтый» было бы сопутствующим), но не определение стола. Определение сути бытия сущности «стол» даётся через категориально высказываемый род, становящийся «жёстким десигнатором» вещи, и через видовое отличие, различающее данную вещь от сходных с ней по роду. Так определяется бытие сущности «стол» среди других сущностей. Но важно понять и внебытийное существование сущности, то есть понять её как нечто сущее-само-по-себе. Однако формального определения внебытийного существования сущего дать невозможно, возможно лишь указать на обозначаемость этого сущего в определении. Определение вообще выражает не имя, а то, выражением чего является имя, то есть того, что вызывает некое состояние мышления (бытия), обозначаемого в свою очередь именем какой-либо сущности.

Общие для всех сущностей-эйдосов роды Аристотель называл категориями. «В качестве ответа на вопрос «что есть» может следовать ответ, означающий любую из категорий» [13]. Категории показывают как бы разные аспекты бытия сущности для индивида. Стагиритом различались следующие категории: «что есть, сколько, какое, по отношению к чему, где, когда, находится в каком-то положении, обладать, творить, претерпевать» [13]. Первая сказывается о сути бытия и роде сущности, вторая – о количестве, третья – о качестве, четвёртая – об отношении с другими сущностями, пятая – о месте, шестая – о времени, седьмая – о состоянии, восьмая – об обладании, девятая – о творении (в противоположность физическим сущностям, существующим сами по себе), десятая – о претерпевании (о том, как меняется целостная сущность). Суть бытия и сущность сказываются о сущем-самом-по-себе непосредственно, другие же категории сказываются о бытии сущего, то есть тоже о сущем, но опосредованно – через его наличную бытийную представленность в различных родах сущности. Суть и сущность невозможно выразить непосредственно как картезианскую картину сущего, но лишь в качестве опосредованно формирующейся в мышлении картине мира сущего, которая становится единственно доступной мышлению и использованию изображением мироокружающего сущего (пользуясь терминологией Хайдеггера). Категории – это доступные индивиду способы понимать сущее, говорить о вещах, выражая их смысл и способы существования для индивида.

В отличие от определения, предикат суждения показывает значимые для индивида свойства сущности или её значимые *сопутствующие качества* (*συμβεβηκός*). Обычно термин «*συμβεβηκός*» переводят словом «привходящее», однако в этом случае возникает путаница, поскольку и греческое слово «*ἐπιπόδιος*», которое не синонимично «*συμβεβηκός*», также буквально переводится как «при-в-ходящее». Поэтому Е.В. Орлов предлагает переводить термин «*συμβεβηκός*» как «сопутствующее» [9, с. 143]. Это то, что «может чему-нибудь одному и тому же присуще и не присуще; например «сидеть» может быть присущим и не присущим кому-то тому же» [13]. Причина сопутствующего не определена и случайна, а *необходимое* качество, которое не может быть по другому, называется «свойством» (*ἴδιον*, в латинском переводе – *attribute*). Умозрительные качества, даже зачинаемые какой-либо сущностью, всегда являются сопутствующими, так как хоть косвенно и зачинаются сущим-самим-по-себе, но сказываются о нём не всегда, а, значит, не являются его свойствами. В качестве примера такого сопутствующего Аристотель приводил качество «иметь два прямых угла» для треугольника. Треугольник не есть нечто сущее, существующее независимо от мышления, поэтому его качества не существуют с необходимостью, и, значит, не являются свойствами, а сопутствующими [14]. В искривлённом пространстве Римана, например, сумма углов треугольника отличается от 180 градусов.

Как и свойство, сопутствующее сказывается о сущности, но, в отличие от свойства, сопутствующее *не всегда* присуще какой-либо сущности, а значит не «антивысказывается» о ней. Антивысказывание есть при условии: если есть В, есть и А, а если есть А, есть и В. Свойства не выражают определение сущности, а «антивысказываются» о ней по схеме: если есть некая сущность, то она зачинает определённое свойство, а если есть определённое свойство, то, значит, есть и соответствующая зачинающая его определённая сущность. Е.В. Орлов замечает в связи с этим: «Разница между свойством и определяющим в том, что «определяющее» означает суть бытия, а «свойство» не означает суть бытия. Современные философы в большинстве своем скептически относятся к «суть бытия», к самой возможности ее выделения. Поэтому аристотелевская дистинкция «определяющее – свойство» сегодня непопулярна» [9, с. 159]. Свойство сущности и сущность «антивысказываются», и в некотором смысле свойство тоже выражает суть бытия определённой сущности. Суть бытия человека, например, выражается в определении «*homo sapiens*» (*пазум-*

ный примат), но разумность есть и свойство человека, поскольку антивысказывается с ним: то есть всякий человек разумен, и всякое разумное существо – человек. Кроме того, всякое сопутствующее относительно общего понятия становится свойством относительно единичной сущности: «сопутствующему ничто не мешает когда-то и по отношению к чему-то становиться свойством; например, «сидеть», будучи сопутствующим, когда сидит кто-то единственный, будет свойством» [13]. Свойства, в отличие от сопутствующего, как бы прибавляются к содержанию рассматриваемой сущности, благодаря чему сущность становится синтетической. Так образуется полное понятие объекта познания, – а именно через познание его свойств и сопутствующих качеств, определённых именно как свойства и сопутствующие качества сущей-самой-по-себе вещи. Свойства – необходимые признаки вещей, поэтому свойство можно назвать «жёстким десигнатором» сущности и, соответственно, сущего-самого-по-себе. Так называемые «сопутствующие» признаки жёсткими десигнаторами являются не всегда, но лишь когда становятся признаком единичной вещи. Признак седины, например, становится жёстким десигнатором, когда мы говорим о конкретном седом человеке, а не сам по себе.

Синтезируемые высказывания («белое дерево», например) истинны, когда говорятся об имеющихся в наличии вещах в соответствие с их бытийной явленностью. Что касается несинтезируемых объектов познания (например, «вот это дерево»), то в данном случае «истина и ложь суть [следующее]: «истина» [означает] коснуться [θηγεῖν] и явить [φῆναι] ... относительно того, что есть «бытие как оно [есть]» и осуществленностей, нельзя ошибиться, а [можно] мыслить или не мыслить; ищут же «что они есть» [to ti êstí], а не есть ли такие или не [есть]» [14]. Истина бытия сущего в случае несинтезируемых объектов дана непосредственно: «если оно действительно сущее, оно есть только таким-то образом; если же оно таким-то образом не существует, оно вообще не существует, и истина здесь в том, чтобы мыслить это сущее, а ложного здесь нет» [14]. Исходным является понимание бытия (в том числе и действительного) как истинствования сущего, а не-бытия – как лжи. Определение истинности или ложности силлогизмов исходит из тезисов силлогизма (посылки), в которых полагаются бытие или небытие рассматриваемых сущностей (терминов) и определения сути бытия этих сущностей. Предположение бытия или небытия вещей, описываемых логическими терминами, Аристотель назвал гипотезой. Сама гипотеза наряду с определением являются разновидностями тезисов силлогиз-

мов – самостоятельно положенных индивидом значений терминов силлогизма. Гипотеза отличается от определения тем, что «не одно и то же сказать, что есть единица, и сказать, что единица есть» [2, с. 260]. Постулаты же отличаются от гипотез тем, что они принимаются как проблематичные, то есть истинность бытия предложенного является неопределенной.

Различного рода суждения служат посылками для так называемых непосредственных умозаключений и для силлогизмов. Более того, в зависимости от способа выражения любой тезис возможно представить как проблему. Силлогизм строится относительно проблемы зачинает ли рассматриваемая сущность сказуемое или нет? [13]. Решение проблемы находится через поиск причины необходимости связи между сущностью и сказуемым. Такой причиной становится средний термин силлогизма (М) – термин, связывающий бытие сущности и сказуемого, и показывающий необходимость этой связи. «При умозаключении [силлогизме] мы сначала допускаем посылки ($A B, B \Gamma$), а затем переходим к заключению ($A \Gamma$). При поиске мы сначала предполагаем заключение ($A \Gamma$), а затем ищем средний термин (B)» [9, с. 275]. Истинность заключения в результате такого поиска не вызывает сомнений. Для примера возьмём суждение «все физические тела притягиваются друг к другу». Науке мало констатации подтверждённого эксперимента факта, она ищет *причины* явлений. Способом такого поиска является построение истинных силлогизмов. Возьмём силлогизм по первой фигуре в модусе Barbara, имеющий форму $MaP SaM$, где S – субъект заключения силлогизма (в данном случае «физические тела»), P – предикат заключения («притяжение друг к другу»), M – средний термин, который собственно и необходимо найти для доказательства истинности заключения. В общей теории относительности Эйнштейн предлагает в качестве такого среднего термина «искривление пространства». Тогда доказывающий силлогизм по модусу Barbara будет иметь вид: «все физические тела начинают притяжение друг к другу», так как «искривление пространства зачинает притяжение друг к другу», а «физические тела начинают искривление пространства». Истинным это доказательство будет *только* при установлении соответствия действительности двух доказывающих посылок.

Если научное познание опирается на знание истинного состояния сущего через его представленность в бытии, то диалектика (в понимании Аристотеля) опирается на чужие мнения о бытии или постулаты, поэтому недостоверна, и если приводит к истинным выводам, то лишь случайно. «Доказательство есть силлогизм из истинных и первых посылок, а диалектический

силлогизм – из общепризнанных посылок» [13]. Диалектическое умозаключение может содержать противоречивые посылки как, например, кантовские антиномии или апории Зенона Элейского. Однако нельзя онтологизировать противоречие – противоречиво не движение как таковое, а наше объяснение движения в диалектических силлогизмах. Поскольку диалектика основывается не на знании сущего, а на мнении других и на вероятном, то она есть «антистрофа» (логическое обращение) риторики, то есть диалектика есть риторика, а риторика есть одновременно диалектика [12]. Истинное знание отличается от общепризнанного мнения именно опорой на знание действительного бытия. Доказательство из достоверно истинных посылок в итоге показывает истинное состояние сущего и позволяет совершать поступки, изменяющие само сущее и бытие. Диалектическое же знание, строго говоря, не истинно, а лишь правдоподобно, поскольку не опирается на знание необходимо сущего.

Диалектические силлогизмы исследуются в современных многозначных логиках, в которых допускается более двух истинностных значений для высказываний. Например польский философ Ян Лукасевич в 1920 году предложил помимо значений посылки «истина» и «ложь» допустить значение «неопределенно». Отметим истинность эмпирической базы квантовой механики и лишь правдоподобность большинства её «интерпретаций», поскольку эти интерпретации опираются на эмпирически неподтверждённые онтологические предположения вроде существования «параллельных вселенных» в многомировой интерпретации (many-worlds interpretation) Эверетта. Заметим, что если методология познания квантовой физики и отличается чем-то от методологии «обычной» науки (ἑλιστήμη), то лишь принципиальной ненаблюдаемостью элементарных частиц. Вероятностный характер квантовой физики не противоречит законам аристотелевской логики, поскольку выполняется закон исключённого третьего: вероятность того, что некоторое событие наступит или не наступит, всегда равна единице. В квантовой механике выполняется также закон противоречия: вероятность того, что некоторое событие *одно-временно* наступит и не наступит, всегда равна 0.

Как мы видим, система доказательств *истинности* силлогизма всегда опирается на чувственный опыт познания того, что *есть* в действительности. Этот же принцип лежит в основании установления истинности импликации. «Если при наличии А необходимо есть Б, то, если нет Б, необходимо нет и А. Следовательно, если А истинно, то необходимо истинно и Б» [2, с. 205]. Истинность, как мы видим, эк-

вивалентна необходимому бытию. Импликация связывает наличное бытие сущих, а истинность импликации зависит от бытийного наличия или отсутствия связываемых событий. Вообще, аристотелевскую «присущность» удобно выражать через импликацию. Тогда, например, модус Barbara может быть представлен как закон транзитивности импликации: $A \rightarrow B, B \rightarrow C \Rightarrow A \rightarrow C$. Импликация удобна для алгоритмизации сознательной деятельности при достижении некоторой поставленной цели, поэтому так называемая математическая логика столько времени уделяет проблематике логического следования, пытаясь свести всё многообразие логики к созданию формализмов логических выводов. Но никогда не следует забывать об опасности впасть в «чистый» формализм, лишаящий математическую логику бытийного содержания.

Показывающий сущее логос проговаривает оставляемые в мышлении впечатления (следы) сущего, выражая и различая сущее семантически. Так высказывание образует структуру различаемого бытия, делая его определённым и пригодным для использования. Высказывание формирует действительное бытие сознания индивида, а не получает его как данность: оно всегда высказывание о сущности, всегда истинно или ложно сказывается о сущности какое-то определённое качество или даёт ему определение. При этом выявляется не только сущее, при котором существует бытие, но и само бытие индивида как сущее. Бытие показывает себя в «мироокружном» сущем как самосознающее (рефлексирующее) в процессе своего существования. Бытие так же сущее, но его существование возможно только как целенаправленное познание и использование сущего-самого-по-себе. Сознание позволяет оперировать вещами как сущностями-понятиями.

Список использованной литературы

1. Аристотель. Собр. соч. в 4-х томах. Т. 1. М.: Мысль, 1975. 550 с.
2. Аристотель. Собр. соч. в 4-х томах. Т. 2. М.: Мысль, 1978. 687 с.
3. Гагинский А.М. О смысле бытия и значениях сущего: историко-философские размышления // Философский журнал. 2016. №3. С. 59-76.
4. Клещкин М.В. Бытийная представленность сущего // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2016. №3-2. С. 81-83.
5. Клещкин М.В. Интерпретация ценностного отношения в античности и в Новое время // Философия и культура. 2016. №12. С. 1654-1663. DOI: 10.7256/1999-2793.2016.12.18120.
6. Клещкин М.В. Релятивизм в науке и ценностное отношение // Вестник Пермского университета.

- Философия. Психология. Социология. – 2016. – №4 (28). С. 50-56.
7. Клёцкин М.В. Ценностное отношение в научном познании // Известия Уральского федерального университета. Серия 3: Общественные науки. – 2016. №2 (152). С. 49-59.
 8. Клёцкин М.В. Ценностный смысл категории «бытие» // Интеллект. Инновации. Инвестиции. – 2016. №2. С. 74-76.
 9. Орлов Е.В. Философский язык Аристотеля. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2011. 317 с.
 10. Черняков А.Г. Онтология времени. Бытие и время в философии Аристотеля, Гуссерля и Хайдеггера. СПб.: Высшая религиозно-философская школа, 2001. 460 с.
 11. Aristotelis Analytica priora et posteriora / Ed. by W.D. Ross. Oxford: Clarendon Press, 1964.
 12. Aristotle. Rhetoric / Tr. by W. Rhys Roberts. Grinnell (Iowa): The Peripatetic Press. Vol. 9. P. 593-675.
 13. Aristotle. Topics / Tr. by W.A. Pickard-Cambridge. Grinnell (Iowa): The Peripatetic Press. Vol. 8. P. 143-226.
 14. Aristotle's metaphysics, 2 vols. Oxford: Clarendon Press, 1970.
 15. The Works of Aristotle: Vol. 1–2 // Great Books of Western World. Chicago: Encyclopaedia Britannica, Inc. 1952. Vol. 8–9.

Статья поступила 25.04.2017

Принята в печать 22.11.2017